

ванных с помощью суффикса - ациј(а) / - изацј(а), минуя глагольную ступень, например, *вестерн – вестернизация, кластер – кластеризация, буфер – буферизация*.

Вошедший в конце XX века в русскую словообразовательную систему суффикс -инг- стал деривационным формантом для целого ряда неологизмов: *парк – паркинг, франчайзи – франчайзинг, кайт – кайтинг, монитор – мониторинг, бренд – ребрендинг, фактор – факторинг, джит – джитинг* и др.

Кроме того, на базе новых слов образуются сложные существительные (*эндаумент-фонд, коворкинг-центр*), как правило, имеющие вторую часть, хорошо освоенную носителями языка.

Активизировалось взаимодействие с заимствованными основами и глагольных суффиксов, означающих «осуществлять что-либо, находиться в каком-нибудь состоянии или предаваться какой-нибудь деятельности», - ирова-, - ова-, - и-: *бренд – брендировать, продюсер – продюсировать, демпинг – демпинговать, роуминг – роуминговать, кастинг – кастинговать, ламер – ламерствовать, гугл – гуглить, офшор – офшорить, монитор – мониторить*. Некоторые глаголы образованы конфиксальным способом: *креатив – скреативить, скрин – заскринить, чекин – зачекиниться, коннект – сконнектиться*.

Универсальным типом, по которому образуются прилагательные-дериваты, является тип с общим значением признака по отношению к тому, что названо мотивирующим словом, образуемый с помощью аффиксов -ск(ий) / -(ов)ск(ий), -ов(ев)-: *девелопер – девелоперский, диггер – диггерский, инсайдер – инсайдерский, кетчер – кетчерский, копирайтер – копирайтерский, промоутер – промоутерский, бодигард – бодигардовский, онлайн – онлайнный, фейк – фейковый, автешник – автешниковый, вендинг – вендинговый, тейп – тейповый*.

Наречия образуются от неологизмов не так активно, как существительные и прилагательные. Эти дериваты относятся к типу: основа производного прилагательного от неологизма + конфикс *по...-и*: *риелторский – по-риелторски, диггерский – по-диггерски, инсайдер – по-инсайдерски, хакерский – по-хакерски*.

Таким образом, установлено, что одной из основных тенденций развития русской лексики в начале XXI века стало использование большого количества новых заимствованных слов, которые, в свою очередь, служат базой для создания новых производных. Появляющиеся в русском языке неологизмы активно включаются в процесс образования новых слов по деривационным моделям, действующим в русском языке, способствуя формированию в нем новых словообразовательных цепей и гнезд. Чем разветвлённей деривационные отношения того или иного неологизма, тем с большей уверенностью можно прогнозировать его вхождение в общелитературный язык и кодификацию в словарях.

Литература.

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1. - М.: Русский язык, 2000. – 1209 с.
2. Котелова, Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1990. – 331 с.
3. Магомадова Х. К. Инновации в словарном составе современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 - Русский язык / Магомадова Хасрат Кахировна; [Дагест. гос. ун-т]. - Махачкала, 2005. – 28 с.
4. Харченко С.Ю. Реализация активных словообразовательных типов и моделей в лексических новообразованиях начала XXI века // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство: [сб. науч. тр.] / под общ. ред. проф. Н. А. Тупиковой. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 139-158

ПРИМЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПУТЕШЕСТВИЯМИ, КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «СВОЕМ» И «ЧУЖОМ» ПРОСТРАНСТВЕ

В.Г. Осипова, студентка группы 10В41,

научный руководитель: Ивушкина.Н.В

Юргинский технологический институт (филиал) Национального исследовательского

Томского политехнического университета

652055, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 26

Приметы - это народные поверья и знания об окружающем мире и природных явлениях, изложенные в кратком виде. Хотя в современном мире принято относится к большинству примет как к глупым предрассудкам, существует целая группа обычаев, которые соблюдаются большинством людей независимо от возраста или уровня образованности. Речь идет о приметах и обычаях, связанных с дорогой и путешествием. все они направлены на то, чтобы защитить путника и обеспечить ему/ей

спокойное путешествие и беспрепятственное возвращение домой. Самые распространенные обычаи включают такие действия как: «посидеть на дорожку», «не убирать в доме, пока путник не достигнет цели путешествия», избегать встречи в начале пути с «монахом/попом, женщиной с пустыми ведрами или кошкой/зайцем, перебегающими дорогу», «не спрашивать, куда направляется путешественник (не «закудыкивать» дорогу)» и другие. Перед отъездом нельзя ничего пришивать и зашивать. Считается, что вместе с этим можно «зашить удачу». Если вам пришлось вернуться домой, то обязательно нужно посмотреться в зеркало и показать своему отражению язык или расчесать волосы. В дальнейшем путешествие рекомендуется прихватить с собой какую-нибудь вещицу из дома: мягкую игрушку или фото в рамке. Поставьте эту вещь в номере отеля, где вы будете жить на видное место или положите под свою подушку, на которой будете спать. Это принесет частичку вашей домашней энергетики в казенное жилище. [1]

Очень много известных нам людей верили и соблюдали приметы например А.С. Пушкин. По воспоминаниям друга Пушкина - Владимира Даля: «Пушкин, был иногда и в некоторых отношениях суеверен; он говаривал о приметах, которые никогда его не обманывали, и, угадывая глубоким чувством какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явлениями, в коих, по-видимому, нет ничего общего, уважал тысячелетнее предание народа, доискивался и в нем смыслу, будучи убежден, что смысл в нем есть и быть должен, если не всегда легко его разгадать» [2].

Такая удивительная живучесть примет связана с особыми представлениями о пространстве, присущими русской культуре. В древнерусской культуре пространство воспринималось в ценностных категориях: те или иные земли расценивались как чистые и нечистые, праведные и грешные. Отсюда «движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя — в аду». При этом ад и рай также мыслились в пределах географического пространства: их в принципе можно было посетить. «Проникновение человека в ад или рай в средневековой литературе всегда мыслилось как путешествие, перемещение в географическом пространстве» и, соответственно, «всякое перемещение в географическом пространстве становится отмеченным в религиозно-нравственном отношении»; «средневековый человек рассматривал географическое путешествие как перемещение по «карте» религиозно-моральных систем: те или иные страны мыслились как еретические, поганые или святые». География предстает, таким образом, как «разновидность этического знания»[3].

Так же «Повесть о двою монахах в Новеграде» рассказывает о том, как новгородские монахи, путешествуя, увидели рай. Аналогичные представления нашли отражения в разнообразных и многочисленных поверьях о «Рахманском царстве», «Беловодском царстве» и т. п. Так, например, считается, что «на Беловодье, на море, на островах живут святые люди» и «если попасть туда, то можно живым сделаться святым и взойти на небо»; «святых людей видели ходившие на беловодье; святые люди верхом на конях по водам подъезжали к ним и звали, но кони, ходившие на Беловодье, тонули, и святые люди уезжали обратно». В ряде случаев такого рода представления восходят к литературным источникам, таким как «Александрия» и т. п. вместе с тем, они органически сливаются с народными верованиями. Достаточно характерно, например, описание «рахманского острова» в «Слове о рахманех и о предивнем их житии» инока Ефросина (XV): «И в том убо острове неизреченному Божию строению всякы овощ на вся времена никогда же оскудевает, зане бо ту овоцвететь, ово ж растеть и ово обымають [собирают]» это описание отвечает представлению о неиссякающем изобилии и вечном плодородии потустороннего мира. [4].

Подобные представления могут обуславливать поиски праведных земель, которые приобретают иногда массовый характер. Так, в 1648 г. сибирские крестьяне решили спускаться вниз по Оби, заявив, что они «поедут к Со[л]нцевоу матери», т. е. в рай. «Солнцева мать» выступает в русских поверьях как вещая пряжа, которая на золотой прядке прядет золотую кудель; она обитает там, куда скрывается на ночь солнце, т. е. в потустороннем мире в этой связи поговорку: «Дождидайся Солнцевой матери, Божьего суда!» . Существенно, что речь идет в данном случае о сибирских крестьянах, т. е. в сущности о казаках, которые живут на периферийной, пограничной территории — на земле которая может восприниматься как нечистая. Можно предположить вообще, что в противопоставлении праведных и грешных земель отражаются представления о рае и аде: понятия рая и ада как бы проецируются на географическое пространство, и, соответственно, эти понятия лежат в основе пред-

ставлений о святости и грешности места. Существенно при этом, что в православном мировоззрении отсутствует понятие чистилища, столь важное для западной, католической культуры. На Западе земля, на которой мы живем, может уподобляться не только — и не столько — аду или раю, сколько чистилищу; подобно чистилищу, земля представляет собой место, где люди мучаются, но где при желании можно очиститься, чтобы попасть в рай. Между тем, на Востоке мы имеем не тройное, но двойное деление: только рай и ад моделируют наши представления о пространстве, если оно оценивается в нравственных категориях: святая, чистая земля — это в принципе нечто вроде рая, хотя люди обычно и не соответствуют этому месту (подобно тому, как Адам и Ева не соответствовали святости рая).

Отсюда столь большое значение имеет в средневековом мировоззрении паломничество. Хождение в святую землю приобщает к святости, это как бы хождение в рай. Точно так же, напротив, путешествие в грешную землю — иноверную и особенно нехристианскую — считалось делом крайне сомнительным в религиозном отношении: в Древней Руси туда избегали ездить, и тех, кто отправлялся за границу, могли оплакивать как покойников. Вот, что говорит, например, Конрад Буссов в «Летописи Московской» 1613 г.: «Русские, особливо знатного рода, согласятся скорее умереть, нежели отправить своих детей в чужие земли. Они думают, что одна Россия есть государство христианское; что в других странах обитают люди поганые, некрещеные, не верующие в истинного Бога; что их дети навсегда погубят свою душу, если умрут на чужбине между неверными, и только тот идет прямо в рай, кто скончает жизнь свою на родине». Между тем, Пушкин в «Истории Петра» приводит «фамильное предание»: «Жены молодых людей, отправляемых [при Петре] за море, надели траур (синее платье)»; «яко тогда мнение было всех плавающих за море полумертвыми нарицать». Достаточно выразительно в этом смысле белорусское проклятие: «Каб цябе нячистая зямелька насіла» это проклятие следует, по-видимому, сопоставить с проклятиями типа: «Провал тебя возьми!», «Провалиться бы тебе в тартарары!», т. е. с пожеланием отправиться в преисподнюю [4].

Поскольку слово «земля» по-русски объединяет абстрактное и конкретное значение, означая как территорию (terra), так и материальную субстанцию (humus), русские крестьяне, отправляясь в путь (например, при переселении, уезжая бурлачить и т. п.), как правило, брали с собой щепоть родной земли; обыкновенно они носили ее в ладанке на шее, рядом с крестом. После революции 1917 г. эта традиция перешла к русским эмигрантам, которые вывозили с собой на чужбину русскую землю для того, чтобы быть похороненным вместе с нею. Показательно, что чужие земли, которые населяли иноверцы, назывались на Руси «заморскими» странами: не только Англия (действительно отделенная от России водной границей), но и, например, Германия или Франция могли обозначаться таким образом. Они назывались так не потому, что реально находились за морем, но прежде всего потому, что они ассоциировались с потусторонним миром: по архаическим представлениям — широко распространенным и весьма устойчивым — потусторонний мир отделялся от нашего, посюстороннего мира, водным пространством, и путешествие на тот свет мыслилось именно как преодоление этого пространства, соответственно, оно мыслилось как путешествие в лодке или вообще на судне или же как переход через мост. Таким образом, свойство быть за морем вытекает не столько из расположения, сколько из самой природы иноверных стран, это атрибут их отчужденности, оторванности от православного мира [4].

Таким образом, мы видим, что современные приметы, связанные с путешествиями, имеют глубокие культурные корни, связанные прежде всего, с делением пространства на свое и чужое, чистое и нечистое, характерное для древнерусской культуры. Пребывание в чистом, «своем», пространстве желательно и безопасно для тела и души. Пребывание в пространстве нечистом, напротив, — опасно, греховно, может привести не только к гибели тела, но и души.

Литература.

1. Народные приметы, связанные с дорогой и путешествиями [электронный ресурс] URL:<http://magic-school.net/topic/2178-narodnye-primety-svyazannye-s-dorogoj-i-puteshes/> (дата обращения 27.02.2016).
2. Мистические явления в жизни Пушкина-lenarudenko [электронный ресурс] URL:<http://lenarudenko.livejournal.com/89804.html> (дата обращения 27.02.2016).
3. Приметы в дорогу – чтобы поездка сложилась удачно [электронный ресурс] URL:<http://www.astromeridian.ru/exclusive/291.html> (дата обращения 29.02.2016).
4. Путешествие Б.А.Успенский Дуалистический характер русской средневековой культуры [электронный ресурс] URL: http://ec-dejavu.ru/j/Journey_Russia.html (дата обращения 01.03.2016).